

© 1996 г. Е.И. КОРЯКОВЦЕВА

СТАТУС ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ*

0. В свое время В.В. Виноградов писал, что одной из основных задач исторической лексикологии и словообразования является задача изучения истории категории *nomina actionis* [Виноградов 1978:172]. Эта задача решается дериватологами. Существует большое число исследований отглагольных имен действия в истории языка и в современном русском языке (см. работы Ю.С. Азарх, И.В. Андриановой, Г.А. Ахметовой, Ж.Ж. Варбот, Н.А. Крылова, А.В. Лемова, З.А. Монастыренко, Н.П. Романовой, Л.Г. Свердлова, В.Н. Хохлачевой, Н.Т. Шелиховой и др.). Однако вне поля зрения дериватологов, как правило, остается тот факт, что наряду с ярко выраженной отглагольной словообразовательной категорией имен отвлеченного действия, в языке на протяжении многих столетий функционируют отыменные существительные с процессуальными значениями, типа *мародерство*, *безумство*. Вероятно, отчасти это объясняется тем, что до сих пор четко не определен объем понятия "имя действия", не выявлен набор категориальных признаков – семантических, морфологических, синтаксических – наличие которых у существительных позволило бы квалифицировать их как имена действия независимо от того, являются ли они отглагольными дериватами. Представляется, что проблема статуса имени действия, анализируемая в данной статье, является актуальной как для теории словообразования, так и для практики комплексного изучения словообразовательных явлений (о необходимости такого изучения см. [Трубачев 1994, Улуканов 1994]).

1.0. Категория имен действия является категорией семантической, включающей в себя не только существительные со словообразовательно мотивированным процессуальным значением, но и существительные, у которых это значение является "автономным", словообразовательно не мотивированным (ср. [Puzynina 1969:27]). Однако эти существительные, как и неотглагольные существительные с процессуальными значениями, обычно не попадают в поле зрения лингвистов. В практике описания производных *nomina actionis* в качестве примеров, как правило, используются только отглагольные существительные (см., например [Грамматика 1960:249–263; Грамматика 1970:65–76; Грамматика 1980:149–153; Stejn, Zawiliński 1926:43; Gramatyka 1959,I:147–153; Bally 1944:120; Šmilauer 1971:65–73; Lamprecht et al. 1986]). Исключением является "Gramatyka współczesnego języka polskiego" (Warszawa, 1984), в которой, вероятно, не без влияния книги Я. Пузыниной "Nazwy czynności we współczesnym języku polskim", процессуальное значение отмечается и у отсубстантивных существительных на *-stwo* [Gramatyka 1984:330].

Полагаем, что микросистема производных *nomina actionis* не только в польском, но и в русском языке включает в себя как отглагольные, так неотглагольные дериваты. Ее можно представить как комплексную единицу словообразования, формируемую словообразовательными категориями отглагольных и отыменных (отсубстантивных и отадъективных) *nomina actionis*. Эта комплексная единица может быть обозначена как **семантико-словообразовательная категория имен действия**.

* Статья написана по проблеме, находящейся в русле темы "Историческое словообразование русского языка", финансируемой РГНФ.

Заметим, что **словообразовательная категория** в традиционной ее трактовке рассматривается как система словообразовательных типов, объединяемых общностью: 1) словообразовательного значения, 2) способа образования, 3) производящих основ (см. [Земская 1973:241]). Словообразовательные категории объединяют семантически гомогенные словообразовательные типы на основании общности частеречной характеристики производящих слов. Семантико-словообразовательная категория как совокупность словообразовательных категорий представляет собой систему, которая формируется группой словообразовательных типов, объединяемых общностью: а) словообразовательного значения, б) способа образования. К одной семантико-словообразовательной категории относятся производные (мотивированные) слова, имеющие производящие (мотивирующие) разных частей речи. Таким образом, у семантико-словообразовательной категории элиминируется признак частеречной принадлежности производящих (мотивирующих) слов.

Слова, относящиеся к одной семантико-словообразовательной категории, должны иметь общее, групповое значение (в рассматриваемом случае процессуальное), общие морфологические и синтаксические свойства. Поскольку ядро, центр семантико-словообразовательной категории имен действия составляют словообразовательные типы отглагольных имен действия, то "общекатегориальными" должны быть признаны семантические, морфологические и синтаксические свойства отглагольных имен действия. Статус имени действия может быть "присвоен" неотглагольному деривату – суффиксальному только при наличии этих свойств.

Проблема статуса имени действия предполагает рассмотрение по меньшей мере трех вопросов: 1) является ли имя действия обозначением только отвлеченных действий; 2) каковы типичные семантические, морфологические, синтаксические свойства отглагольных имен, обуславливающие их центральное положение в рамках семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*; 3) каковы указатели процессуального значения существительных. Рассмотрим каждый из этих вопросов.

1.1. Известно, что глагол – это та часть речи, в которой обобщенное значение "процессуальности" выражается определенными морфологическими категориями [Исаченко 1960:7]. Процессуальность, движение во времени, – это общее свойство переменных признаков, выражаемых глаголами: действий, процессов, состояний.

Именем действия принято называть субстантивный аналог глагола. "*Tato slova, formálně substantiva, vyjadřují jako slovesa děje v nejširším smyslu slova (činnosti, stavy, změny stavu)*" ("Эти слова, формально существительные, выражают, как и глаголы, деятельность в самом широком смысле слова (действия, состояния, изменения состояний)") [Šmilauer 1971:65]. Ср.: «It is to be noted that the distinction between verbs and substantives has nothing to do with such ideas as activity and change. The fundamental idea of the substantive *movement* is the same as that of the verb *move*; and so is that of *observation* and *observe*, *reliance* and *rely*, *error* and *err* etc. The only difference between the substantives *look*, *dream*...and the verbs *look*, *dream*...is their role in the sentence, but their signification is the same. The distinction between them is a purely grammatical one" ("Следует заметить, что различие глаголов и существительных [*nomina actionis* – Е.К.] не обусловлено такими идеями, как "деятельность" и "изменение". Основная идея существительного *movement* "движение" та же, что у глагола *move* "двигаться"; это относится и к парам *observation* "наблюдение" и *observe* "наблюдать", *reliance* "надежда" и *rely* "надеяться", *error* "заблуждение" и *err* "заблуждаться". Единственным различием существительных *look* "взгляд", *dream* "мечта" и глаголов *look* "взглянуть", *dream* "мечтать" является их роль в предложении. Сигнификативные же их значения тождественны. Различие между ними чисто грамматическое» [Jespersen 1911:152]).

В русском языке, как и в польском, нет термина, соответствующего чешскому *jmeno dějů*, который используется для обозначения всех переменных свойств, выражаемых именами существительными, т.е. действий, состояний, процессов. В этой связи вынужденно используется термин **имя действия** (в полонистике – соответственно

nazwa czynności). Как отмечает Я. Пузынина, использование в составе этого термина слова **czynność** (действие) достаточно условно, его выбор объясняется тем, что именно слово **czynność** (действие) "używa się często jako reprezentanta wszelkich treści wyrażanych czasownikami...a jeszcze szerzej – wszelkich cech niestałych" ("часто используется как репрезентант всех понятий, выраженных глаголами, ... и шире – как репрезентант всех непостоянных свойств") [Puzyńska 1969:157]. Слова **действие** и **czynność** в определениях глагола как части речи в русистике и в полонистике употребляются в качестве синонима слова **процессуальность**. Частными процессуальными значениями являются значения собственно действия, процесса и состояния. Соответственно термином **имя действия** (**nazwa czynności, nomen actionis**) обозначаются "процессуальные" существительные со значениями собственно действия, процесса, состояния. Есть смысл выяснить, в чем состоит специфика этих значений с тем, чтобы более четко дифференцировать различные типы имен действия.

Действия и процессы связываются с представлением о нестатичности, отличительным их признаком является то, что смена фаз действий и процессов происходит синхронно реальному протеканию времени [Comrie 1976:49]. Из этого следует, что предикаты действия и процесса могут сочетаться с временными детерминантами типа *каждую минуту, всегда*.

Состояния, так же, как действия и процессы, имеют пофазное существование, т.е. в каждый данный момент возникает следующая фаза существования, но она абсолютно идентична предыдущей и не требует приложения энергии для своего возникновения [Vendler 1967 : 99; Lyons 1977 : 483]. Состояние не может выступать как параметр, образующий объект [Селиверстова 1982 : 127].

Рассматривая предикаты с процессуальными значениями в аспекте динамики/статистики, выделяют динамические и статические явления. К динамическим явлениям относят процессы (длительная деятельность) и события, поступки, происшествия (недлительная деятельность). Как статические явления характеризуют состояния, ситуации, поведение [Булыгина 1982 : 84–85].

События и происшествия противопоставляются друг другу по признаку преднамеренности (событие) / непреднамеренности (происшествие). Событие, как и происшествие – "готовый факт, скачок", в отличие от процесса [Маслов 1948]. Событие может быть дискретно и поэтому разложимо на отдельные действия. Так, событие, названное словом *дуэль*, можно представить как серию действий, последовательно сменяющих друг друга: подготовка и зарядка пистолетов, промеривание расстояния, схождение противников, прицеливание, выстрелы и т.д. События характеризуются тем, что в них участвуют определенные люди.

Глаголы со значением происшествия описывают лишь происшедшее в некоторый момент времени событие, но не подразумевают, что это событие было подготовлено каким бы то ни было процессом. Они не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления (занятость подлежащего выполнением этого действия) и потому не могут сочетаться с дуративными обстоятельствами типа *целый час, медленно*.

Поступок определяется как сознательное действие, акт нравственного самоопределения. Поступок обычно является объектом субъективной оценки [Сахно 1992 : 95].

Поведение, образ жизни и действий, характеризуется как статическое явление ввиду того, что оно не требует приложения энергии для своего возникновения. В отличие от состояния поведение – это контролируемое явление [Булыгина 1982 : 69].

Признавая имена действия субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функционально-семантическое поле действия [Гак 1992 : 79], необходимо включать в их состав – по аналогии с семантическими типами глагольных предикатов – как существительные с общими значениями процесса, действия, состояния, так и существительные с частными значениями события, происшествия, поступка, поведения.

1.2. В традиционных определениях имени действия непременно отмечается, что это производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так частично и в синтаксическом плане (см., например [Кубрякова 1978 : 84]). Предполагается при этом, что имя действия, как и любое другое существительное, характеризуется грамматическим значением предметности, которое находит свое выражение в морфологических и синтаксических свойствах этой части речи. Однако уже в XIX веке обращалось внимание на морфологические последствия глагольного происхождения имен действия. А.Х. Востоков считал, что "в существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, например, *чтение, прочтение, читывание*" [Востоков 1835 : 108].

М.М. Покровский писал о совмещенных следах переходных и непереходных глаголов, ср.: *удаление (удалить/удалять и удалиться/удаляться)* [Покровский 1959 : 220–221]. В работах современных ученых отмечается, что событийная семантика, свойственная именам действия, соотносима с осью времени, благодаря чему они способны формировать номинативные предложения типа *Давка. Погрузка* (см. [Казаков 1993]).

Исследователи этого разряда существительных, как правило, указывают, что поведение отглагольных имен действия в предложении имеет свои особенности по сравнению с существительными других лексико-грамматических разрядов [Золотова 1982; Казаков 1993]. Специфика отглагольных имен действия по сравнению с конкретно-предметными существительными, совместимыми лишь с определительными распространителями, заключается в их способности, подобно глаголам, поддерживать со своим ближайшим окружением актантные синтаксические отношения, маркирующие различных участников действия. Значительные различия между именами действия и конкретно-предметными существительными обнаруживаются и в рамках сочетаний с определительными отношениями. Анализируя словосочетания *быстрая ходьба, напряженная работа, повторное напоминание, долгий разговор, удачное решение*, Г.А. Золотова отмечает, что прилагательные здесь "не те, что определяют признаки, качества предметов, это характеристики действия, процесса с точки зрения его протяженности во времени, интенсивности, результативности" [Золотова 1982 : 125].

По всей видимости, способность отглагольных существительных сохранять синтаксические валентности производящих глаголов и их категориальные свойства породила представление о том, отглагольные имена действия являются особой формой глагола: такое мнение высказывалось в 50-е гг. XX в. относительно существительных на *-ние*, наиболее регулярно образующихся от глаголов [Вайан 1952 : 277; Balaž 1954]. В работе Г. Балажа проводилась аналогия с чешскими и словацкими существительными на *-ní, -tí/-nie, -tie*, которые в традиционных грамматиках Paulineho, Štolca, Ružičky [Pauliny et al. 1955 : 240] и Havranka, Jedličky [Havranek et al. 1951 : 132] включаются в парадигму глагола. (Сходное мнение высказывается и в работе [Sotak 1978].)

В русистике отглагольные существительные со значением действия никогда не характеризовались как глагольные формы (исключение составляет работа Г. Павского [Павский 1850]). А.М. Пешковский называл их **глагольными существительными**, поскольку сопоставляя пары типа *произнесение – произношение, удвоение – удваивание, приобретение – приобретение*, обнаружил в анализируемых именах действия оттенки видовых значений. В этой связи он считал возможным говорить о "смещении существительного с глаголом" [Пешковский 1956 : 112]. Не называя отглагольные имена действия глагольными формами, А.М. Пешковский указывал на их особый статус в системе существительного как части речи.

Обсуждая возможность включения отглагольных имен действия – и прежде всего – имен на *-к(а)* – в словоизменительную парадигму глаголов, М.В. Панов отмечал, что основной причиной, препятствующей такому включению, является нестандартность значений у большинства этих образований [Панов 1962 : 33–34].

Сопоставляя в аспекте наличия видовых и залоговых значений русские отглагольные существительные со значением отвлеченного действия с чешскими и словацкими, А.В. Исаченко отмечал, что в русском языке, как правило, отглагольное существительное соотнесено с обеими видовыми формами глагола. Например, существительное *объяснение* может быть воспринято как существительное к глаголу *объяснить* (сов. в.) и *объяснять* (несов. в.). Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом *-ыва-/-ива-* (*растегивание, отбрасывание, покашливание, развешивание* и т.п.). А.В. Исаченко отмечает также, что значение залога (активность и пассивность) может ощущаться у русских отглагольных существительных типа *изучение* только при сопоставлении с такими существительными, образованными от причастий, как *изучаемость* или *изученность*. Само же по себе отглагольное существительное типа *изучение* не имеет грамматически выраженного значения залога.

В отглагольных именах действия временные, аспектальные и залоговые значения, присущие производящим глаголам, морфологически не выражены, что отличает девербативы от глагольных форм. Глагольные морфологические категории у отглагольных имен действия становятся семантическими, не исчезая бесследно. Так, например, анализируя предложение: "*Дима ворочался, не мог заснуть, в черноте серел квадрат окна, потом провал в полусон, тяжесть на груди, болотные рожи, цветной туман, чмокающие шаги, бормотанье, спазма пробуждения, тело в поту*" (Н. Плотников), В.П. Казаков отмечает, что девербатив *провал* в приведенном контексте имеет временную (прошедшее время), аспектальную (совершенный вид, общерезультативный способ действия) и залоговую (средне-возвратный залог в трехзалоговой концепции, действительный залог в двузалоговой концепции) характеристики [Казаков 1993].

1.3. При транспозиции "глагол → имя существительное" глагольная основа утрачивает активный динамический характер процессуального значения. Естественно, утрачиваются одновременно с этим и синтагматические свойства производящего глагола, унаследованные именем действия. Нейтрализация этих свойств приводит к сужению лексических и изменению синтаксических связей опредмеченного отглагольного имени действия. Процесс опредмечивания отглагольных *nomina actionis* разворачивается не в хронологическом, а прежде всего в генетическом плане, так как различная степень выражения предметности свойственна данным словам в самых ранних памятниках. Иногда развитие вторичных предметных значений рассматривается как основание для "вывода" отглагольных существительных за рамки категории *nomina actionis* (см. [Казаков 1993]).

Отсутствие лексического тождества с глаголами даже у отглагольных имен действия и регулярность их опредмечивания обуславливают необходимость компонентного анализа их семантики, выявления лексико-синтаксических и морфологических указателей процессуальности существительных.

1.3.1. Установлено, что для имен действия типовым является следующий набор семантических признаков: 1) процессуальность, 2) субъектность, 3) объектность, 4) локальность, 5) темпоральность, 6) контролируемость/неконтролируемость, 7) характер действия, 8) целенаправленность, 9) результативность [Вакарюк 1985]. При этом не исключается возможность варьирования данных признаков в семантике имен действия различных типов. В качестве основного метода выявления сем при анализе "предполагаемых" *nomina actionis* может быть использовано вычленение их методом компонентного анализа из словарных дефиниций (если слово зарегистрировано в словаре). Процессуальное значение легко обнаруживается в случае, когда имя соотносится с такими развернутыми дефинициями – суждениями, в которых ключевыми словами выступают слова с ярко выраженными процессуальным значением: *акт, акция, действие, процесс, состояние*. Однако эти лексемы в идентифицирующей функции в толкованиях слов используются довольно редко. В тех случаях,

когда в качестве слова-идентификатора выступает лексема с невыраженным процессуальным значением, применяется метод ступенчатой идентификации. Например: *должность* "служебное положение в каком-либо учреждении, предприятии и связанные с ним обязанности" [САН-IV], *обязанность* "то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-либо согласно закону или общественным требованиям, или внутреннему побуждению, долг" [САН-IV]; *сан* "звание, связанное с высоким и почетным общественным положением в дореволюционной России" [САН-IV], *положение* "место, роль отдельного человека в обществе" [САН-IV], *роль* – 3) "работа, род деятельности, проявление себя в качестве кого-либо" [САН-IV]. Таким образом, исходные лексемы *должность*, *сан*, *положение* вступают в опосредованную корреляцию с лексемами *действие* и *деятельность*, эксплицирующими процессуальное значение анализируемых слов. Следовательно, имена, в словарных дефинициях которых используются слова *должность*, *положение*, *сан*, являются именами действия.

Для выявления процессуального значения может быть применен и метод синонимического тождества, когда слово толкуется целым рядом синонимов. Ср.: *безумство* "безумие, сумасшествие, помешательство". Достаточно в одном из синонимов обнаружить процессуальное значение, чтобы приписать его всем единицам, составляющим синонимический ряд. Этот метод применим и в случаях отсутствия четких словарных дефиниций: они заменяются подбором контекстов, содержащих синонимы с выраженными процессуальными значениями (при анализе материала древнерусского и старорусского языка). Например: "*Купечество* живущих подолгъ моря" (в нов. списке: *купли*) Книга Второзакония XXXIII.19 по сп. XIV в. [Срезн. 1989, I : 1376]¹.

1.3.2. Как известно, существует взаимосвязь семантических и синтаксических свойств слова. Следовательно, синтаксическая сочетаемость слова может указывать на наличие в его семантике той или иной скрытой семы (в данном случае – процессуальной).

1.3.2.1. В результате анализа большого числа контекстов с именами действия – девербативами установлено, что они проявляют процессуальное значение в сочетаниях с глаголами следующих лексико-семантических групп (см. [Кузнецова, Сиверина 1979]): I. Глаголами, указывающими на фазовость действия (с оттенком совершения действия кем-либо): 1) начинательность (*заняться*, *начать*, *приступить*, *развернуть*); 2) продолжение (*продолжить*, *продлевать*, *удлинить*); 3) совершение действия, с оттенком длительности (*вести*, *заниматься*, *проводить*, *производить*); 4) окончание (*бросить*, *завершить*, *кончить*, *прекратить*); II. Глаголами, указывающими на совершение действия, без оттенка совершения действия кем-либо: 1) со значением начинательности (*начинаться*, *развертываться*); 2) со значением продолжения (*идти*, *протекать*, *проходить*, *совершаться*); 3) со значением окончания (*завершаться*, *кончаться*, *прекращаться*); III. Глаголами, указывающими на передачу или приобретение навыка (*научить*, *натренировать*, *учить*); IV. Глаголами, указывающими на изменение характера протекания действия: 1) со значением интенсивности протекания процесса (*активизировать*, *интенсифицировать*, *стимулировать*, *ускорить*); 2) со значением ослабления интенсивности протекания действия (*замедлить*, *затруднить*, *отсрочить*, *тормозить*); V. Глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению действия или устранения от совершения действия: 1) со значением вовлечения (*вовлечь*, *воодушевить на*, *втянуть*, *втянуть*); 2) со значением отстранения (*отвлекать*, *отстранять*, *удержать*); 3) со значением разрешения на совершение действия (*дозволять*, *допускать*, *позволять*, *разрешать*); 4) со значением запрещения совершения действия (*возбра-*

¹ В статье применяются сокращения, принятые в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словаре русского языка XI–XVII вв., Словаре русского языка XVIII века, "Словаре древнерусского языка" И.И. Срезневского, Словаре современного русского литературного языка (Т. I–17).

нять, воспретить, запретить); VI. Глаголами со значением противодействия совершению процесса (*воспрепятствовать, мешать, помешать, сдерживать*); VII. Глаголами, указывающими на уклонение от совершения процесса (*воздерживаться, избегать, отговориться*); VIII. Глаголами, указывающими на преднамеренность в совершении процесса (*запланировать, наметить, планировать, предполагать*); IX. Глаголами со значением сообщения процессу организованного характера (*координировать, согласовывать, упорядочить*).

1.3.2.2. Для таких явлений, как действие, состояние, процесс, характерны количественные изменения. Значение степени, интенсивности, отражающее количественные отношения величины, меры, передаются в языке словами разных частей речи, в том числе и прилагательными. В результате анализа словосочетаний прилагательных и отглагольных имен действия в памятниках древнерусского и старорусского языка, а также в современном русском языке исследователями определены разряды прилагательных с количественными значениями, сочетаемость с которыми приводит к актуализации процессуальной семы (см. [Мельникова 1959; Михайловская 1965; Романова 1968; Золотова 1982; Шелихова 1985]). Это: а) местоименные прилагательные *весь, всякий, всяческий*, например: "*все пагубьство*" – Ив. Гр., 171; б) порядковые прилагательные типа *второй*: "*Святїи мужи... въпїють о вторѢмъ его пришьствїи*" – Кир. Тур., 81; в) качественные прилагательные *большой, великий, великий, зельный, малый, многый*; см. словосочетания, типичные для памятников XI–XVII вв.: *великое гоненіе, великое скорбное терѢніе, от многого трясенія*.

Переносные количественные значения могут появляться и у прилагательных типа *безмерный, ненасытный, страшный, ужасный; безмѢрное объяденіе, воровство* и т.п. [Шелихова 1985 : 110]. В этих переносных количественных значениях названные прилагательные вместе с прилагательными типа *большой, великий* входят в градационный синонимический ряд, интегральным признаком которого является характеристика неодинаковой меры, интенсивности действия или состояния.

1.3.2.3. Показателем процессуальности существительного является его способность занимать синтаксическую позицию обстоятельства цели, средства, причины действия. В этой позиции имена, образованные от переходных глаголов, сохраняют значения действия и процесса даже при отсутствии объектного распространителя: "*твое царское от Бога мудрое прироженіе во умноженіе вѣры христїанскїя*" Пересветов, 68; "*Она же едва слезнаго ради великого народа моленія на се преклонила*" Статьи о Смуте, 1320 (см. [Шелихова 1973]).

О процессуальности существительного свидетельствует также его употребление в роли обстоятельства времени в сочетании со словами, указывающими на фазу действия, состояния, процесса: "*В началѢ мучительства своего*" Соч. Курб., 295.

Исходя из набора сем, типичного для отглагольных имен действия, можно заключить, что на процессуальное значение существительных должно указывать наличие зависимых форм со значением субъекта и объекта, например: "*За воровство Волотки Чанчикова*" (= "за то, что *Волотка Чанчиков воровал*") – Мат. медицин., 256. 1662 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 3]; "*О вскармлении дѣтеи*" (= *воскормити дѣтеи*) попечение" – Корм. Балаш., 348 об. XVI в. [там же, 139].

Средством объективации процессуального значения у неотглагольных существительных может быть наличие однородных членов – отглагольных имен действия. Ср.: "*обыщѣ блженство*" (= прославление) и *рыданьк вѣдѣти ксть*" – ГА XII–XIV, 151 г [ДРС-1].

1.3.3. Морфологическим показателем процессуальности абстрактных существительных является употребление в формах множественного числа, показывающих различные проявления действия либо его повторяемость [Гак 1989 : 110]. Логично предположить, что если абстрактное существительное в формах множественного числа имеет такие значения, то в форме единственного числа оно обозначает действие

вообще. Например: *кровопролитство* – "*кровопролитства делати*" – Ив. Гр., 218, *подозрительство* – "*никакихъ подозрительствъ*" – ГКЭ, IV, 307.

2.0. О принадлежности целого ряда отыменных абстрактных существительных к семантико-словообразовательной категории *potina actionis* свидетельствует их сочетаемость с лексико-синтаксическими и морфологическими показателями процессуальности, типичными для отглагольных имен действия.

2.1. Так, процессуальность отсубстантивных существительных на *-ство*, обозначающих должность, занятие, поведение, сан лица, в контекстах, относящихся к различным периодам русского литературного языка, эксплицируется в следующих синтаксических условиях: 1) при сочетании с фазовыми глаголами: "*много бѣ тогда неудобство новогонению приставишу и еретицѣствоу начьнишу. нѣ и ересь бѣю бѣгодатию тѣмъ разорена бы(с)*" – ПрЛ XIII, 103 в. [ДРС-III]; "*От Рюрика начася державство въ Новѣграде*" – Кн. Степ., 3, XVI–XVII вв. ~ 1560 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "*Тетка встретила его приветливо, с чувством благодарности за то, что он решился для нее покинуть свое затворничество*" – Гончаров, Обыкновенная история [САН-IV]; "*Ученичество кончилось для него и для Виктора и неожиданно и слишком рано*" – Горбатов, Донбасс [САН-IV]; 2) при сочетании с глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению действия или устранения от совершения действия: "*Дьяконъ по дьяконствѣ блоудъ створивыи отъвѣрьжень оубо дьяконства боудеть*" КЕ XII 18 об. [ДРС-II]; "*которые дьякъ... речи перепишетъ не такъ как на суде говорили, да его бити кнутомъ да отстави от дьячества*" – Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г., 12 (По списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 1890); 3) при сочетании с глаголами, указывающими на уклонение от совершения действия: а *къ бо отверещи мнѣства и любве бѣа...*" ПКП 1406, 168 б [ДРС-IV]; "*Остерегись от эдакого дурачества*" – Лук. Постоянство, 13 [СРЯ XVIII в., в. 7]; "*Не глупо ли я поступил, отказавшись от делегатства?*" – П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк, 13 янв. 1878 г. Сан-Ремо; 4) при употреблении в функции обстоятельства цели, времени: "*на дьяконство приведе его*" – ВМЧ, Дек. 6–17, 1031, XVI в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "*Бе же сеи старецъ при игуменьствѣ Федосееве*" – Моск. л., 11 [СРЯ XI–XVII вв., т. 6]; 5) в составе словосочетаний со словами, указывающими на время: "*и поставленъ бы(с) патриархомъ константина гра(д) / и въ стѣльствѣ ѿ лѣтъ и ѿ мѣи / прѣбыль с миромъ оусле*" – Прол. 1383 г., л. 86 б; "*въ десятое лѣто государства великого князя Василия Ивановича*" Соф. II лет., 280 [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "*При следующемъ государствѣ производимъ былъ суд над графомъ Соммерсетомъ*" – Жит. Бак. 30 [СРЯ XVIII в., в. 5]; "*...в годы генсекства узурпатора Горбачева вы пострадали из-за гражданского неповиновения антиалкогольной кампании*" Моск. правда, 31 марта 1993 г.; 6) при примыкании к имени обстоятельства места: "*О Государствѣ на сем <Балтийскомъ> морѣ*" – ЛТ I 103 [СРЯ XVIII в., в. 5]; 7) при управлении родительным падежом объекта и субъекта, творительным объекта: "*аще бѣда тебѣ ксть, не отъпасти отънѣждъ винограда коупьчствомъ*" – Гр. Наз. XI в., 116 [Срезн., т. I]; "*да набдять жречество сихъ*" – Козма Инд., 102, XVI в. ~ XIV–XV вв. [СРЯ XI–XVII вв., т. 5]; "*начало владычества Царей*" – Стрхв. [СРЯ XVIII в., в. 3]; "*Положение усугубляется партнерством сил империализма*" – Изв. 1980 г. 2 дек.; "*назойливое управленчество искусством*" – Огонек, 1980, N 47; 8) при сочетании с местоименными прилагательными: "*Погано мысленни звѣздочтикъ прикмлюще. и все вѣльшьство и простосмотреникъ и чародѣиствы*" – КЕ XII, 272 а; "*Который союз его царское величество безъ всякого вредительства весма соблюдает*" – Письма и бумаги Петра I, т. IV, 1026, 1706 г. [СРЯ XVIII в.]; "*Никакое вольнодумство не может коснуться чистоты Богом данных и хранимых истин*" – Пнк. 1800 г., 29 [СРЯ XVIII в., т. 4]; "*Пока он (Л. Толстой) жив,*

дурные вкусы в литературе, *всякое пошлячество* будут далеко и глубоко в тени" – А.П. Чехов – М.О. Меньшикову, 28 янв. 1900 г., ПСС, т. 18; 9) при сочетании с прилагательными с количественными значениями: "Погублю всѣхъ обитающихъ въ градѣ семь человекъ и скоты губительствомъ великимъ" – Іер. XXI, 6 [Срезн., т. 1]; "Может быть, нѣкогда буду я имѣти болѣе над сердцемъ моимъ владычества" – Иосиф (Б) 131 [СРЯ XVIII в., в. 3].

Принадлежность к категории *potiua actionis* имен на *-ство*, обозначающих должность, звание, сан лица, подтверждается наличием у них переносных метонимических значений "место" и "время" – типичных вторичных значений имен действия. Например: *епископство* 1) "деятельность, правление епископа": "посла...кнѣзь Всеволодъ Гюргеви(ч) Павла на еп(с)пство в Русьскыи Переяславль." – ЛЛ 1377, 140 об. (1198) [ДРС-III]; 2) "время правления епископа": и ꙗже въ еп(с)пствѣ стажа цркви приходна соуть ꙗже есть еп(с)пъ – КР 1284, 254 г [там же]; 3) "область, управляемая епископом": "кождо въ свое еп(с)пство [ПрЛ XIII, 48 в – в свою кнц(с)пью] пущень бы(с). ПрЮр XIV, 58 в [там же]; *герцогство* 1) "титул; правление, владетельное право герцога": "Карл позвал меня ко двору своему для подтверждения моего на Герцогствѣ" – Оберон 13 [СРЯ XVIII в., в. 5]; 2) "владение герцога": "Герцогство Лауенбург обрѣтается в нижней Саксонии" Прим. Вед. 1728, 31 [там же]. Значение "место", наряду со значением "звание (положение) лица", отмечается у слов *аббатство*, *графство*, *ханство*, *царство* и под. как в период первой фиксации этих слов, так и в современном русском языке.

Морфологическим показателем процессуальности отсубстантивных существительных на *-ство* является присоединение флексии множественного числа, указывающей на повторяемость действия. Например: "*чародѣйства* и вѣльшьство съвършати" – КЕ XII, 277 а [ДРС-II]; "в тѣхъ мѣсто куплѣ и бѣды суетныхъ и житиискихъ. к сему же и смѣхъ прилагающихъ. и грохотаныѣ. и корчмьства. и пыаньства..." – ПНЧ XIV, 149 а [ДРС-IV]; "утѣшения въ скорбехъ, въ бѣдствахъ пособыствия" – АИ IV, 367, 1667 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; "Той же окаянный, коликих бед и злобствъ велицей России не излиял..." – Каз. сказ., 209, XVII в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 6].

На значение состояния у отсубстантивных существительных на *-ство* указывает сочетаемость с глаголами *впасть/впадать в, жить в*: "Любяи бѣдство впадетъ въ не" – І. Сир. III, 25 [Срезн., т. I]; "Старичку сему наскучило как-то наконецъ *жить* в прежнем *вдовствѣ* своем" – Зап. Блтв. II 309 [СРЯ XVIII в., в. 2]; "*В прелюбодѣйство* *впасть* единожды довольно..." – Жив. 311 [СРЯ XVIII в., в. 4].

2.2. Все отадъективные существительные с формантом *-ство*, как правило, относят к разряду *potiua qualitatis*. Однако у значительного числа этих существительных в определенных контекстах четко выявляется процессуальное значение. На значение действия в контекстах, относящихся к любому историческому периоду русского языка, указывают: 1) сочетаемость с фазовыми глаголами: "Пора... *беспутство* кинуть" – Карамзин. Исправление; "можно было заняться кутежом, интрижками... *театральством*" – Добролюбов. Что такое обломовщина?; 2) сочетаемость с глаголами, обозначающими противодействие: "*противитисѣ* бѣсовскому дѣйству. и *пронырства* ихъ" – Летопись Лаврентьевская, владимирский свод 1305 г., по сп. 1377 г., л. 62 об. [Полное собрание русских летописей. М., 1962, т. 1]; "его же видѣвъ *безъбожество...обличи*" Пр XIV в. (6), 43 г. [ДРС-I]; 3) сочетаемость с каузативными глаголами: "И ныне таково есть *бесчинство* *чинитца* над церковью божиею..." Послание Геннадия еп. Нифонту, XV в., сп. XVI в., 313 [СРЯ XI–XVII вв.]; "*предая* всяческому *безпамятству*" – Рим. имп. д. IX, 590, 1699 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; 4) употребление существительного в роли обстоятельства цели или

причины: "благо(д)ѣтельства ради превосходѣщаго..." – ПНЧ 1296, 86 об. [ДРС-I]; "Отъ питаньства и отъ питаниа на безаконик излѣзѣше" Избор. 1076, 236; 5) сочетаемость с местоименными прилагательными *весь, всякий, всяческий*: "Въ всѣмъ благоговѣнствѣ пожити" – Григ. Пап., XIII в. [Срезн., т. 1]; "всѣмъ пронырьства испълнени" – Успенский сборник XII–XIII вв., 95 в; "предая всяческому безпамятству" – Рим. имп. д. IX, 590, 1699 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; "цѣловали крест... без всякого душевредства" – ПСЗ III, 279 [СРЯ XVIII в., в. 7]; 6) наличие однородных членов предложения – типичных наименований отвлеченного действия: "лицемѣрство. хоуленіа" Успенский сборник XII–XIII вв. 179 в 22; 7) управление субъектным дополнением в родительном падеже: "...буйство народа" – Херасков [СРЯ XVIII в., в. 2]; "Беспутство мужа обнажилось перед ней: долги, любовницы, истории в клубах" – Бобор., Перевал, ч. III, гл. 16 [ССРЛЯ, т. 1].

Значение состояния у отадъективных существительных эксплицируется при сочетании с глаголами *жить в, впадать в, приходить в*, например: "Дѣвушка живя въ безчинствѣ, собирала имѣнія столько, сколько могла" – Курганов. Письмовник, I, 167, 1790 г. [СРЯ XVIII в.], "Раздражаясь, он приходил в бешенство и тогда начинал бить посуду, ломать мебель" Новиков-Прибой, Цусима, кн. 1, VIII, 2. [САН-17, т. 1].

Скрытая, не имеющая формального выражения сема "действие" может объективироваться в лексических значениях отадъективных существительных также с помощью присоединения словоизменительной парадигмы множественного числа, например: "тот пустился...во всѣ непотребны беспутства..." – Трд. Тилем., I, 97 [СРЯ XVIII в., в. 2]; "Тут презрѣв ее всѣ низкие ехидства, Крючки законностей, пролазы и безстыдства, на правости своей себя он утвердил" – Капн. Ябеда. [СРЯ XVIII в., в. 7].

Отадъективные имена действия на *-ство*, входя в систему словообразования *nomīnum actionis*, безусловно, играют в ней второстепенную роль, поскольку эти существительные имеют синкретичные значения качества-действия и состояния-свойства (см. [Коряковцева 1994]). Актуализация какого-либо из компонентов значения отадъективных существительных на *-ство* (качественности или процессуальности) зависит либо от внешнего контекста (сочетания с фазовыми глаголами и т.д.), либо от внутреннего контекста (присоединения словоизменительной парадигмы множественного числа к суффиксу *-ств-*).

Функционирование на протяжении столетий отадъективных и отсубстантивных имен действия на *-ство* в системе семантико-словообразовательной категории *nomīna actionis*, очевидно, объясняется тем, что и при наличии отглагольных существительных с ярко выраженными процессуальными значениями в языке постоянно идет поиск средств для выражения действий, замкнутых в субъекте, а также действий, близких по характеру к качественному состоянию. На данном этапе развития исторического словообразования и исторической грамматики задача состоит в том, чтобы с помощью показателей процессуальности, типичных для отглагольных имен действия, выявить и описать с различных точек зрения – семантической, морфологической и синтаксической – все неотглагольные производные *nomīna actionis* в истории русского языка и в современном языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДРС – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1992. Т. I–IV.
 СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1993. Т. 1–18.
 СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1992. Вып. 1–7.
 САН-IV – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. I–IV.
 САН-17 – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
 Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.

- Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Вакарюк Л.А. 1985 – Структурно-семантический анализ имен существительных со значением процесса, не мотивированных глаголами: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985.
- Виноградов В.В. 1978 – О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Избранные работы по истории русского литературного языка. М., 1978.
- Востоков А.Х. 1835 – Русская грамматика. СПб., 1835.
- Гак В.Г. 1983 – Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
- Гак В.Г. 1992 – Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
- Грамматика 1960 – Грамматика современного русского языка. Т. 1. М., 1960.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика... 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Земская Е.А. 1973 – Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Золотова Г.А. 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Казаков В.П. 1993 – Имена действия в грамматике и словаре // ФН. 1993. № 3.
- Коряковцева Е.И. 1994 – Имена действия в русском языке: периферия словообразовательной категории (отадъективные *nomina actionis* в истории русского языка) // ИАН СЛЯ. 1994. № 5.
- Кубрякова Е.С. 1978 – Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
- Кузнецова Г.А., Сиверина Е.Г. 1979 – Лексические указатели процессуального значения отглагольных существительных в современном русском языке // Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Куйбышев, 1979.
- Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4.
- Мельникова М.К. 1959 – Из наблюдений над синонимикой качественных прилагательных в языке "Повестей о Смуте" // Уч. зап. ЛГУ. Т. 202. Л., 1959.
- Михайловская Н.Г. 1965 – Синонимичные прилагательные в языке древнерусских памятников XI–XIV вв. // ИАН СЛЯ. 1965. № 1.
- Павский Г. 1850 – Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, отделение первое. СПб., 1850.
- Панов М.В. 1962 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка. М., 1968.
- Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Покровский М.М. 1959 – Материалы для исторической грамматики латинского языка // Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Романова Н.П. 1968 – Имена действия в памятниках русского языка XVI столетия: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1968.
- Сахно С.А. 1992 – Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
- Селиверстова О.Н. 1982 – Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Трубачев О.Н. 1994 – Синхрония и диахрония - *und kein Ende* // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.
- Улуханов И.С. 1994 – Основы построения исторического словообразования русского языка // Русистика сегодня. 1994. № 1.
- Шелихова Н.Т. 1973 – Словообразование отглагольных имен на *-ние* / *-ение*, *-тие* в памятниках русского языка XV–XVII вв.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Шелихова Н.Т. 1985 – Атрибутивные сочетания со значением количественной характеристики имен действия в старорусских памятниках // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985.
- Balaž G. 1954 – Abstraktné deverbativa v ruštině // Sovetská jazykověda. 1954. N 4.
- Bally Ch. 1944 – Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1944.
- Comrie B. 1976 – Aspect. L.; N.Y.; Melbourn, 1976.
- Gramatyka... 1959 – Gramatyka spisowa języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego i B. Wiczorkiewicz. Warszawa, 1959. T. I.

- Gramatyka...* 1984 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Słowotwórstwo / Pod red. R. Grzegorzczkowej, R. Laskowskiego, H. Wrobla. Warszawa, 1984.
- Havranek B. et al.* 1951 – Základní jazyková příručka. Praha, 1951.
- Jespersen O.* 1911 – The role of the verb // Germanisch-romanische Monatsschrift, 1911. N 3.
- Lamprecht A. et al.* 1986 – Historická mluvnice češtiny. Tvoření slov. Praha, 1986.
- Lyons J.* 1977 – Semantics. Cambridge; L.; N.Y., 1977.
- Pauliny E. et al.* 1955 – Slovenská gramatika. Martin, 1955.
- Puzynina J.* 1969 – Nazwy czynności we współczesnym języku polskim. Warszawa, 1969.
- Sotak M.* 1978 – Dejové substantiva v slovenčině a v ruštině. Bratislava, 1978.
- Stein J., Zawiliński R.* 1926 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1926.
- Šmilauer V.* 1971 – Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
- Vendler Z.* 1967 – Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967.